

КРИСТИНА
СТАРК

**ГОНЧИЕ
ЛИЛИТ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С77

Старк, Кристина.

С77 Гончие Лилит : роман / Кристина Старк. — Москва : Издательство АСТ, 2025 — 544 с. — (Кристина Старк. Молодежные бестселлеры).

ISBN 978-5-17-109518-5

Я работала официанткой в обычном дублинском кафе и вела тихую жизнь человека, чьи проблемы сводятся к неуверенности в себе и неудачам в личном фронте. Пока однажды в кафе не объявилась женщина по имени Лилит и не заставила меня захотеть большего. Красота, деньги, адреналин, мужчины у моих ног, жизнь на полную катушку, любовь как в кино — она сказала, что все это у меня будет. И, ведомая наивностью и отчаянием, я последовала за ней.

Я понятия не имела, во что ввязываюсь, и не послушала того, кто пытался предупредить меня о смертельной опасности. А теперь за все придется расплачиваться. Особенно за любовь — за нее придется пройти по углям ада.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109518-5

© Кристина Старк, 2025
© Марат Сафин, фотография на обложке, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

CAVE CANEM.

Берегись собаки.

Ад пуст, все демоны здесь.

Уильям Шекспир. Буря

ПРОЛОГ

— И куда ты побежишь, Полански? Расскажешь мамочке? И что же сделает твоя суицидальная мамочка? Вскроет себе вены всем назло?

Меня выловили после школы, потаскали за волосы, втоптали в грязь учебники. Свора одноклассниц во главе с красоткой Лиз. До неё дошли слухи, что я равнодушна к Джейми — парню, за которым она бегала как собачка. Всё бы обошлось, но однажды Джейми подсел ко мне во время ланча в школьной столовой, а потом убрал кончиком пальца каплю майонеза с моей губы. И Лиз — королева школьных стерв — сорвалась с тормозов. Сначала были мерзкие розыгрыши вроде собачьего дерьма на моём стуле. Потом пошли сплетни про меня, бутылку джина и десяток парней из Баллимуна*. А затем началась травля. Жестокая и беспощадная. Я считала дни

* Неблагополучный район в Дублине. (Здесь и далее примеч. автора.)

до окончания школы. Но время, казалось, остановилось. Застыло, запеклось, как кровь.

— Если это всё из-за Джейми, то забирай его себе! Он мне совсем не нравится!

— А кто тебе нравится?

— Никто!

— Вы слышали? Полански — лесбиянка! Долбаная straponщица!

Я попыталась встать, но меня снова толкнули на землю. Я прикрыла голову руками: даже лакированными туфельками можно избить до кровоподтеков. Туфельки, чтоб вы знали, бывают так же безжалостны, как и армейские ботинки.

— Боже...

— Молись громче, Полански, Бог не слышит писк мышей.

Я получила удар в живот. Согнулась пополам, пока в меня со всех сторон врезались острые мыски школьных туфель, пока меня оплёвывали и осыпали ругательствами. А потом кто-то обрушил свой рюкзак мне на голову. До сих пор я ни разу в жизни не теряла сознание...

Когда я очнулась, уже подступили сумерки. Я вытряхнула из рюкзака комки грязи, сложила туда книги, верней то, что от них осталось, и отправилась домой.

В автобусе было совсем пусто. Я поднялась на второй этаж, прислонилась лбом к стеклу и дала волю слезам. За окном мелькали аккуратные, чистенькие, словно нарисованные для глянцевого журнала пейзажи южного Дублина. Двухэтажные дома из красного кирпича, круглый год утопающие в зелени пальм и магнолий. Тщательно подстриженные газоны. Дорогие машины, припаркованные на посыпанных гравием подъездных дорожках...

Из-за окна на меня смотрел богатый, красивый город, в котором нет места грязи, ненависти, насилию. В котором маленькие ирландки до сих пор ходят в католические школы, носят юбки ниже колена и разучивают молитвы на уроках. Где школы с отдельным обучением — мальчики отдельно, девочки отдельно — это золотой стандарт. Город набожных, город святых, город, где запрещены аборт и в школы в первую очередь принимают тех, у кого есть сертификат о крещении.

Впервые я почувствовала себя здесь лишней: лицо в грязи, во рту привкус крови, в груди не сердце — молот. «О, если бы только этот автобус мог, не останавливаясь, умчать меня на край земли! — думала я. — Я бы без сожаления покинула город святых! Тем более что моего исчезновения никто бы не заметил. Моё место заняла бы какая-то другая девушка — и ни один человек не заподозрил бы подмены...»

У дверей меня никто не ждал. Мама, как обычно, лежала на диване, смотрела в потолок и слушала музыку. Она не особо интересовалась мной и моими проблемами. Несколько лет назад у неё диагностировали клиническую депрессию, и с тех пор я старалась быть невидимкой. Не грузить её своими проблемами. Ходить на цыпочках. Плакать беззвучно. Кричать молча.

Я заперлась в ванной комнате, смысла с затылка запёкшуюся кровь и достала из кармана чудом уцелевший телефон. Во мне кипели ненависть, отчаяние и жажда мести. Или я мщу, борюсь и показываю зубы — или я не выйду живой из следующей драки.

«Джейми, хочешь погулять сегодня вечером?»

Сдохни, Лиз.

«Где и когда, Скай? :)»

Да где угодно, лишь бы побольше народу увидело нас вместе.

Когда используешь месть как бомбу, смотри не по-дорвись на ней сама. На следующий день из школы мы с Джейми ушли вместе, держась за руки. Он пригласил меня к себе — его родители как раз уехали в Виклоу на весь уик-энд, — а потом признался, что без ума от меня. Я подорвалась на этой мине, когда он, подойдя сзади, прижался ко мне. Вполне невинное объятие, если бы не то, что упиралось сзади мне в ягодицы. «Сделай это, Скай. Он такой симпатичный. Пусть Лиз исходит желчью от зависти», — сказал мне внутренний голос. Тихий, но уверенный.

И я сделала. Осколки этой мины засели во мне так глубоко, что некоторые из них я не смогла извлечь до сих пор...

Три года спустя

Бог не даровал мне ни таланта, ни смелости, ни красоты. Я не питала иллюзий на свой счет. Я знала наверняка: дни будут сменяться ночами, Земля будет кружить по орбите, мир — безумствовать, бросаться во все тяжкие, сходить с ума. Где-то всплывут фотографии очередного политика, на которых он будет нюхать кокаин и лапать полураздетых девиц. Где-то семнадцатилетняя фотомодель утонет в ванной. И только в моей жизни всё останется по-прежнему.

Я не была одной из тех, кто способен бросить вызов судьбе, кто рискует смеяться с набитым ртом и говорить вслух то, что думает. Я не была той, кто может носить туфли на высоченном каблуке, прыгать в неизвестные машины такси глубокой ночью и общаться в интернете с незнакомцами. Риск в моём случае заключался разве

что в прогулке без зонта в дождливую погоду, только и всего.

Возможно, поэтому я чуть не выронила из рук стопку грязных тарелок, когда одна из посетительниц кафе, в котором я работала — женщина лет тридцати пяти по имени Лилит, — заставила меня присесть рядом и сказала: «Скай, твоё место не здесь. Не в этой провонявшей луком и рыбой забегаловке. Хочешь знать, где твоё место? В «мерседесе»-кабриолете с откинутым верхом, на скоростной трассе, что тянется вдоль берега океана. В твоей голове — воспоминания о ночи, проведенной с любимым мужчиной, в твоём кошельке — пачка долларов крупными купюрами, полуденное солнце отражается в твоих очках, ветер треплет твои роскошные волосы...»

— У меня нет роскошных волос, мэм, — усмехнулась я, взъерошив свои короткие выгоревшие пряди, которые даже самый искусный парикмахер не смог бы привести в божеский вид. — И никогда не будет. К сожалению, генетика — это на всю жизнь.

Лилит, эта странная брюнетка с глазами, как черная смородина, начала заглядывать в моё кафе примерно несколько недель назад и к настоящему моменту окончательно утомила меня своей эксцентричностью и привычкой говорить загадками.

— Молчи и слушай дальше, — потребовала Лилит и продолжила: — Закрой глаза. Почувствуй океанский ветер, настолько насыщенный солью, что щиплет ноздри. Ты несёшься по дороге со скоростью сто двадцать километров в час, ведя одной рукой машину, а другой придерживая густые пряди волос, которые ветер бросает тебе в лицо. Какие волосы ты хочешь иметь? Струящиеся, сияюще-платиновые, как у немецких фотомоделей? Или, может быть, иссиня-чёрные, блестящие, словно

жидкое стекло, — как у древнеегипетских жриц? Или порочно-рыжие с красноватым отливом, цвета сандалового дерева, за какие инквизиция в Средние века наверняка бы отправила тебя на костёр?..

— Мэм, — взмолилась я, не размыкая ресниц, — мне нужно отнести эту посуду на мойку...

— Нет, тебе нужно выбрать себе цвет волос, сейчас же!.. Не открывай глаза, ты спугнёшь видение, — прибавила Лилит, и её ладонь легла мне на лицо, прикрывая глаза.

— Хорошо, рыжие!

— Точно?

— Да!

— Насыщенно-огненные, как?..

— Нет, скорее каштаново-красные, без желтизны. Никаких абрикосов и меди.

— Я уже вижу это, Скай! Идеальный оттенок для твоей аристократической бледной кожи. Идём дальше. Прямые или вьющиеся?

— Вьющиеся крупными локонами.

— Длинные?

— О да, до самой задницы! Вы довольны?

Я попыталась убрать от лица ладонь Лилит, но не тут-то было.

— Довольна, — зашептала она мне на ухо. — Только вот обладательнице шикарных волос не пристало работать официанткой. Твои волосы пропахнут горелым маслом и суповыми специями. И у той, кто водит «мерседес»-кабриолет, руки не должны загореть от горячей воды и моющего средства!

Я отстранила от себя ее руку и резко встала. Рассказывать мне, официантке, которая за гроши вкалывает с утра до вечера, едва сводя концы с концами, про океан, «мерсы» и пачки баксов — это было слишком. Слишком

жестоко даже для меня, привыкшей к выходкам состоятельных посетителей.

— Кажется, ваш кофе остыл, — сказала я с плохо скрываемым раздражением.

— Принеси мне другой! — потребовала Лилит.

Я ушла на кухню, прихватив грязную посуду, и к тому времени, когда вернулась с чашкой горячего латте на подносе, злость почти перестала душить меня.

— Ваш кофе! — громко сказала я.

— Твои чаевые. — Лилит протянула мне белый конверт.

— Благодарю. — Я взяла конверт, намереваясь сунуть его в карман фартука, и моя рука замерла в воздухе. Он оказался тяжелым: примерно столько же мог бы весить конверт с моей зарплатой за месяц. Я приоткрыла его, мельком взглянула на пачку купюр и положила конверт на стол.

— Что это?

— Это твои волосы, Скай.

— Нет, это больше похоже на чёртову кучу налички, — возразила я.

Лилит отхлебнула кофе и улыбнулась мне акульей улыбкой.

— Именно столько стоит наращивание. Волосы цвета раскаленной лавы, тяжелые, как смертный грех, и достигающие до самой задницы, — уже завтра у тебя будут такие. Генетика — это на всю жизнь только для тех, кто боится плюнуть ей в лицо. Ты чувствуешь, как океанский ветер из твоей мечты становится чуть реальнее? Если есть волосы, о которых ты мечтала, то будет и ветер, который их растреплет. Будет и мужчина, которому понравится запускать в них пальцы. Будет и бриллиантовая диадема, которая украсит твои локоны...

— Я не могу взять ваши деньги, — заявила я. Правда не так уверенно, как следовало бы.

— Я в любом случае оставлю этот конверт на этом столе, милая. Не осмелишься взять ты — возьмёт кто-то другой. Кто-то другой заберёт себе то, что предназначается тебе.

Я судорожно сглотнула и снова взъерошила волосы — неосмысленный жест, который останется со мной даже тогда, когда моя короткая стрижка а-ля «курсантка военной академии» уйдёт в прошлое.

Кто-то из посетителей разбил стакан, и мне требовалось уже лететь на помощь с тряпкой и веником, но я осталась стоять на месте, словно загипнотизированная.

— Это не деньги, Скай, — это солёный ветер, который молекула за молекулой просачивается сквозь закрытые двери и окна. Это шум океана, который ты можешь услышать, если осмелишься вытащить затычки из ушей. Это твоя свобода, от которой тебя отделяет тонкая, как целлофан, плёнка твоих сомнений. Разве это так сложно — взять то, что предназначается тебе, и не испытывать при этом угрызений совести?

Моя рука, словно вопреки моей воле, потянулась к конверту, взяла его и спрятала в карман фартука. Лилит взболтала остатки кофе в чашке и одобрительно кивнула.

— Но ты должна помнить кое о чем. К красивым волосам прилагаются кабриолет, океан и свобода. И никак иначе.

— Господи, о чем вы вообще говорите? — выдохнула я.

— Эй, у нас тут осколки стекла и всё разлилось! — возмутился неуклюжий посетитель.

— Подождёшь, пока я делаю заказ! — крикнула ему Лилит, придерживая меня за руку. — Во-первых, давай

обойдёмся без Господа, здесь только мы с тобой и я не потеряю свидетелей вроде Него. А во-вторых, я предлагаю тебе работу, Скай. Через год, в этот самый день, ровно в... — Лилит бросила взгляд на маленькие золотые чашки на запястье. — Ровно в одиннадцать четырнадцать ты будешь уже *внутри своей мечты*. С волосами цвета дьявольской глотки — и будешь нестись на спортивном «мерседесе» вдоль океанского побережья...

— А можно нам тряпку или хотя бы... — умоляюще произнес посетитель, разбивший стакан минуту назад.

— Да! Бегу! — бросила я через плечо, но Лилит крепко держала меня за руку и продолжала свой гипнотизирующий монолог.

— А рядом с тобой будет сидеть...

— Ченнинг Татум! — закончила я и нервно хохотнула.

— Бесовка, — подмигнула мне Лилит. — Он женат, и у него маленькая дочурка — но мне нравится ход твоих мыслей! Примерно через год рядом с тобой будет сидеть мужчина, о котором большинство женщин может только грезить, и ему будет необыкновенно интересно твоё общество. Но за рулём будешь ты, потому что машина будет твоей. Спортивный «мерседес» класса люкс, ты не ослышалась. На твоём запястье будут тикать не «Касио», а как минимум «Лонжин» за две тысячи баксов. А запах лука ты будешь ощущать, только если зайдёшь в дорогой ресторан и закажешь французский луковый суп с грюйером и гренками. Он будет пахнуть о-очень аппетитно, куда лучше, чем пахнет здесь. Но всё это будет, только если...

— СКАЙ! — раздался голос нашего менеджера Джонни — холодный и колючий, как колотый лёд.

— Ты поняла, — закончила Лилит и взъерошила свои волосы точно так же, как это делала я. Но если я после

этого приобретала вид потерянного серого котёнка, то в Лилит с взлохмаченными черными волосами сразу проступила какая-то дьявольщинка, проявилось что-то от ведьмы, от потустороннего существа.

— Если я наращу волосы, только в этом случае? — догадалась я.

Очередная улыбка акулы подтвердила мои догадки.

— Хорошо, подумаю! — пообещала я, лишь бы поскорей отделаться от общества странной новой знакомой. Потом кивнула ей на прощание и помчалась к Джонни, который уже начал выметать осколки из-под стола. Я присела рядом и принялась промокать тряпкой разлившееся пиво.

— Ну наконец-то, Скай, — проворчал Джонни, — а я уж было подумал, что эта дьяволица тебя загипнотизировала. Что она хотела?

«Мою душу, Джонни. Кажется, ей нужна моя душа»...

1

— Хочешь послушать историю про Скай Полански, королеву крыши? То есть про меня. К моей квартире относится часть крыши дома, где моя мать устроила сад и выставила коллекцию глиняных котов. Знаешь, отличное вышло место для ничегонеделания. В те дни, когда нет дождя или ветра и не нужно работать, мне нравится лежать на крыше, смотреть в небо и мечтать...

— О чем?

— Только не смейся. Мне с детства нравилось представлять себя королевой. Королевой *кого-нибудь*. Драконов. Вампиров. Древних римлян. Современных шведов... Какая разница кого, самое главное — осанка, белые перчатки и наследник престола, держащий тебя за руку. Пока мама была рядом, охраняя моё безмятежное детство, я мечтала о том, как стадо боевых драконов однажды преклонит передо мной головы. Как меня возьмёт в жены принц вампиров — наденет мне на голову рубиновую корону. Или как встречу прекрасного незнакомца где-нибудь в кафе, и он окажется не только моим будущим мужем, но и королём какой-нибудь маленькой страны. Мало, что ли, современных королевств на этом свете? Андорра и Бельгия, Испания и Нидерланды,

Лихтенштейн и Люксембург, Дания и Монако, Швеция и Норвегия! Да принцев везде полно, и они наверняка путешествуют по городкам вроде моего и заходят в кафе выпить капучино и съесть пончик... Ну и, знаешь, флиртуют с официантками...

— О да.

— А потом моя мать решила, что есть места куда более подходящие для неё, чем наша скромная квартира, наш убогий город, наша брэнная Земля. Кто-то поманил её в мир золотых небес и розовых облаков, и она нашла отличное средство для телепортации: таблетки. Отправила в свой желудок все, какие только нашлись у нас дома. Все до последней. Даже моё средство от изжоги. В тот же самый день, когда я обнаружила её на крыше — лежит на спине и смотрит в небо невидящими глазами, — меня покинули грезы о будущем королевстве. Погибли боевые драконы, рассыпались в прах вампиры, прекрасные принцы поменяли билет и вместо ирландской глубинки решили отправиться на Филиппины. У меня осталась только крыша с коллекцией глиняных котов и засыхающей геранью в горшках.

— Соболезнования, Скай.

— Да, пришлось забыть про колледж и начать вкалывать. Джонни взял меня на полную ставку в «Голову турка». Пятьдесят часов в неделю я бегала между столиками, разнося яичницу и жареный бекон, пиво и виски, драила посуду, вытирала пролившийся алкоголь и блевоту, собирала окурки и соскабливала со столешниц жвачку... Если бы принц Андорры переступил порог этого заведения, я бы предпочла спрятаться в подсобке и не вылезать оттуда, пока Его Королевское высочество не уйдут. Слишком унижительно встречать принца в застиранном фартуке. Да и вообще, настоящие принцы даже не смотрят на таких как я.

— Выпей-ка. За мой счет.

— Мерси, — сказала я, вытирая капающие на барную стойку слёзы.

«Голова турка» закрылась час назад. Остались только я и бармен Хьюго. Я только что дополировала последний стол, а Хьюго домыл последний грязный стакан. Теперь мы сидели друг напротив друга и болтали по душам. Верней, я болтала и плакала, а Хьюго слушал и кивал. Кто-то когда-то сказал мне, что бармен — это три в одном: психолог, священник и лучшая подруга. Кажется, пока я говорила, Хьюго не проронил и десятка слов, но я чувствовала, что он на моей стороне.

Оранжево-красный коктейль в большом стакане, украшенном долькой апельсина, видимо, тоже был частью всесторонней поддержки.

— Да, «Секс на пляже»* — именно то, чего мне сейчас не хватает, — вздохнула я и сделала большой глоток.

— Точно не помешает, — подтвердил Хьюго.

Глубокая ночь, барная стойка, одинокая зарёванная девушка, красивый загорелый мужчина в чёрной рубашке с закатанными рукавами (видно каждый волосок на крепких предплечьях), и больше никого. Эта сцена могла бы быть ужасно романтической, если бы не особый генетический код Хьюго, который повелевал ему любить только мужчин. Флиртовать с ним было так же бессмысленно, как заигрывать с фонарным столбом.

— Я бы не отказалась от настоящего секса на пляже, — вслух заметила я. — М-м, так и вижу: одеяло, шум прибора, горячие прикосновения...

— И песок везде, где только можно, — отстой! Холод, комары и гнилые водоросли.

* «Секс на пляже» — коктейль из водки, персикового ликера, апельсинового и клюквенного сока.